

Даманский: 45 лет спустя¹

Недавно в Чите вышла книга А. Тарасова, приуроченная к 45-летию трагических даманских событий. Небольшая по объёму, она богато иллюстрирована советскими и китайскими фотоматериалами, содержит необходимые карты и схемы. Использована литература на русском и китайском языках. Весь текст разбит на небольшие главы, что помогает лучше понять авторский замысел и проследить его реализацию. Каждой из них предшествуют обширные цитаты из советских газетных материалов. В основном это отчёты о митингах в краях и областях Сибири и Дальнего Востока, прошедших по горячим следам советско-китайского вооружённого конфликта.

Книгу открывает статья научного редактора, доктора исторических наук, заведующего кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск) В.Г. Дацышена «Даманский: конфликт повседневности и исторической литературы». Он размышляет о месте даманских событий в истории русско-китайских отношений. Это было четвертое вооружённое столкновение между двумя странами. По числу военных потерь они сопоставимы. С российской стороны в XVII в. в боях на Амуре погибло около 1 тыс. чел., в кампании 1900—1901 гг. в Китае — около 500, в конфликте 1929 г. на КВЖД — более 200 (с. 4). Но всё же, в отличие от отношений с другими соседями России, дело не доходило до объявления войны и столкновения не были столь трагичны. Однако для историков важно точно установить все факты, и здесь как раз проявляется конфликт некоторых привычных представлений о прошлом с действительным ходом событий, усугубляемый недостатком достоверной информации.

Обращаясь к этой проблеме, В.Г. Дацышен предпринял небольшое историографическое исследование в отношении даманского конфликта. В частности, в вопросе о потерях 2 марта 1969 г. В мемуарах непосредственного участника боя Героя Советского Союза В.Д. Бубенина говорится, что подразделение пограничников из 23 человек на БТР под его командованием уничтожило 248 солдат противника. Но эта цифра слишком велика и противоречит официальным китайским данным — 17 человек. Наши потери в тот день — 31 человек.

По прошествии лет, когда все пограничные споры между нашей страной и Китаем уже решены, вновь и вновь возникает вопрос: «Не были ли эти жертвы напрасными?». Историк отвечает: «Ценой своей жизни

¹ Тарасов А. Даманский: оглянуться без ненависти / науч. ред. д.и.н. В.Г. Дацышен. Чита, 2014. 120 с.

советские солдаты, как, впрочем, и китайские, предотвратили большую войну между двумя ядерными державами. Своим героизмом они в очередной раз показали и властям, и обществу, что дальнейшая эскалация напряжённости бессмысленна, нужно договариваться» (с. 13—14).

Представляя читателям автора книги, профессор В.Д. Дацышен пишет, что А.П. Тарасов «является признанным в нашей стране специалистом по проблемам русско-китайской границы», хорошо знающим китайский язык и много лет занимающимся практической работой на границе. Его оценки болевых точек истории русско-китайских отношений интересны и важны. Вместе с тем они спорны.

В главе «От автора» А.П. Тарасов чётко обозначил свои подходы к теме даманского конфликта. Прежде всего, он не приемлет существующей с советского времени официальной версии как политически мотивированной, позволяющей поддерживать в обществе представление о случившемся как «трагическом, но в целом положительном сюжете национальной истории». Считает, что с обеих сторон это было «роковое стечение обстоятельств», когда конкретные люди «„наломали дров“ и оказались вовлечёнными в братоубийственную войну». В книге рассмотрены события только одного дня — 2 марта 1969 г. Автор не претендует на истину в последней инстанции, и всё, что он пишет, это его «сугубо личное предположение». Естественно, А.П. Тарасову приходится отрываться от конкретики и затрагивать некоторые общие проблемы, и эти высказывания также спорны.

Например: «В 1960-х годах пограничная проблема использовалась советской стороной для давления на китайцев, которые не собирались довольствоваться ролью младшего партнёра КПСС. Китайцы приняли этот вызов, в равной степени пограничная проблема использовалась китайской стороной для демонстрации советскому руководству твёрдой решимости отстаивать свою самостоятельность, а также для преодоления внутрипартийной фракционности перед лицом советской угрозы, манипулирования массами и выстраивания отношений с американцами» (с. 20). А не в обратном ли порядке всё это происходило? Как раз китайскому руководству, а не советскому нужен был пограничный спор с соседом как «громоотвод» от внутренних трудностей, порождённых «большим скачком» и «культурной революцией». Именно китайской стороной с самого начала предпринимались попытки устраивать провокации на границе, когда рыбаков высаживали на острова и не разрешали уходить, пока их не выдворяли советские пограничники. Об этом в другом месте нам сообщает сам автор (с. 38). В решении стратегической для Китая задачи сближения с Америкой даманские события стали поворотным пунктом, убедительно продемонстрировавшим окончательный разрыв с Советским Союзом.

Или ещё: «В 1960-х в условиях отсутствия стратегии у политического руководства страны погранвойска СССР воспользовались возможностью

получить деньги, штаты, вооружение, но не смогли разработать единую разумную тактику.. На границе протяжённостью более 4000 километров были сотни больших и маленьких начальников, которые в отсутствие чётких инструкций проявляли инициативы, руководствуясь собственными представлениями о целесообразности и допустимости тех или иных решений» (с. 21—22). Картина слишком мрачная. Вряд ли всё было так плохо. В любом случае такие категорические заявления требуют подтверждения конкретными фактами и ссылками.

Дальше А.П. Тарасов делает небольшой экскурс в историю. Речь идёт о красной линии по китайскому берегу пограничных рек, которая была проведена на карте, приложенной к Пекинскому договору 1860 г. Общепринятым в международных отношениях принципом является проведение границы по фарватеру рек. Но как бы мы критически ни относились к той красной линии, в советское время она оставалась охраняемой. Остров Даманский советские пограничники контролировали с 1947 г. (с. 66), и до 60-х гг. у китайской стороны это не вызывало никаких возражений.

Согласно автору, даманская трагедия «не возникла на пустом месте, а явилась лишь звеном в цепи нелепых пограничных конфликтов». В подтверждение он ссылается на вооружённые столкновения в 1937 г. на речных островах недалеко от Благовещенска, у озера Хасан, виновником которых считает советскую сторону, что вполне возможно, и проводит параллели с событиями 1969 г. Причину этих «нелепостей» А.П. Тарасов видит в разногласиях между спецслужбами и армией.

Вероятно, здесь не всё так просто. Никто не станет затевать конфликт с соседями без серьёзных побудительных причин. В 30-е гг. Япония оккупировала Маньчжурию, вынудила СССР, продав КВЖД, полностью уйти оттуда. Таким образом, Советский Союз оказался по одну сторону баррикад с Китаем в противостоянии японской экспансии. К тому же это соответствовало коммунистическим идеям борьбы против империализма и было связано с исторической памятью о Русско-японской войне и японской интервенции на Дальнем Востоке. После того как в 1937 г. Токио вновь развязал агрессивную войну против Китая, Советский Союз стал единственным государством, вставшим на его защиту и оказывавшим всемерную помощь и поддержку. Именно в этой связи, на мой взгляд, следует рассматривать бои с японцами на Хасане летом 1938 г. Как раз в то время шло ожесточённое сражение за стратегически важный город Центрального Китая Ухань. Необходимо было не дать перебросить туда из Маньчжурии дополнительные военные формирования. Этой цели удалось добиться в результате получения японцами информации, доставленной высокопоставленным перебежчиком комиссаром госбезопасности Г. Люшковым, преувеличивавшей возможности Красной Армии на Дальнем Востоке и подкреплённой реальными боевыми действиями у озера Хасан.

Что касается разногласий чекистов с армейцами, то их причина не только в разной ведомственной принадлежности, но и в значительной вовлечённости первых в большую политику, позволяющую им быть себе на уме и использовать других. Дыма без огня не бывает. Наверное, не случайно В.К. Блюхер кивал в сторону чекистов: «Как пограничники ввязались, так пусть и развязываются» (с. 36), а позже маршал Гречко якобы говорил о Даманском: «Раз всё это придумал КГБ, пусть их пограничники и отдуваются» (с. 32). Но нельзя не видеть здесь существенного различия. Даманский — это всё-таки именно китайский проект, выработанный Пекином и предварительно согласованный во всех высших инстанциях. КГБ, столкнувшись с ним, мог что-то придумывать своё, и это когда-нибудь станет известно. Однако он не мог стратегически повлиять на ситуацию. Тогда решалась судьба мирового коммунистического движения: останется ли в нем Китай. Не в интересах СССР и КПСС было каким-либо способом подталкивать КНР к полному разрыву с Советским Союзом. Как раз вскоре после даманских событий и под их влиянием этот разрыв и произошёл. На Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, состоявшемся без КПК, почти все его участники осудили Пекин за этот конфликт. Китай же пошёл по пути поисков сторонников в основном среди маргиналов коммунистического движения и создания, как он считал, действительно марксистско-ленинских, но не имеющих серьёзного влияния в своих странах партий.

«Можно ли было предотвратить трагедию 1969 года?» — задаётся вопросом автор. Проведение советско-китайских консультаций в 1964 г. давало такую надежду. Однако Москва отказалась парафировать документ с уже согласованной линией границы. Камнем преткновения стали острова у Хабаровска, имеющие важное стратегическое значение, принадлежность которых СССР китайцы не желали признавать. Можно в какой-то степени разделить уверенность автора в том, что этот досадный сбой в решении пограничных вопросов между двумя странами стал «важнейшей причиной даманской драмы». Но нельзя забывать, что ещё задолго до трагической развязки сохранялась возможность её избежать, продолжив консультации. Как отмечалось в Заявлении советского правительства от 29 марта 1969 г., «несмотря на неоднократные напоминания с советской стороны в тот период и последующие годы, правительство КНР уклонилось от завершения таких консультаций» (с. 37).

В книге подробно рассмотрен ход боёв 2 марта. В своей реконструкции событий А.П. Тарасов пытается выяснить, как всё было на самом деле, кто и почему начал стрелять первым. Автор приходит к выводу, совпадающему с одной из китайских версий, что всё началось, когда группа пограничников под командованием сержанта В.Н. Рабовича неожиданно увидела китайскую засаду и открыла огонь. Это стало сигналом к применению оружия резервной китайской группой, высланной навстречу Стрельникову. Всё это случилось практически одновременно (с. 22—23, 78). Тогда

и были убиты начальник заставы И.И. Стрельников и сопровождавшие его бойцы. Далее последовало стремительное развитие событий. Услышав выстрелы, спешно прибыли и бросились в бой младший сержант Ю. Бабанский и его товарищи. Тем временем с соседней заставы подоспело подкрепление во главе с В.Д. Бубениным. В результате их общих героических действий засевавший в засаде и значительно превосходящий численностью и вооружением противник вынужден был отступить.

А.П. Тарасов не ограничивается пересмотром отдельных устоявшихся представлений о вооружённом конфликте на Даманском и в целом возлагает ответственность за него на советскую сторону. Полагает, что это «наша трагическая ошибка и урок» (с. 108). Хотя сам же говорит о намерении китайцев спровоцировать наших пограничников на открытие огня (с. 68). Получается, что китайцы провоцировали, устраивали засаду, а виноваты мы.

В изучении разных исторических событий и сюжетов наступает момент, когда новые факты или сомнения в правильности прежних версий подталкивают кого-то из историков к их ревизии. Обычно на них со всех сторон обрушивается во многом заслуженная критика, так как в своём новаторском стремлении историки-ревизионисты не только покушаются на устои, но и допускают немало ошибок, резких высказываний. Всё это провоцирует дискуссии, которые в конечном счёте способствуют утверждению каких-то новых взглядов и подходов. Вероятно, книга А.П. Тарасова представляет собой такое «ревизионистское» произведение и не может обойтись без критических замечаний.

Прежде всего, можно ли было избежать конфликта, если бы советская сторона вела себя чинно, благородно, уступчиво? Вряд ли. Столкновение с китайской стороны было заказным, приуроченным к съезду КПК. Если оно не состоялось раньше у острова Киркинского или в районе Суйфэньхэ, то, возможно, потому, что открытие съезда откладывалось. Военные были уже готовы и ждали команды. Кстати, для действительного понимания советско-китайского противостояния на границе следует иметь в виду, что в общем количестве нарушений границы, превышающем как по советским, так и китайским данным 4 тыс., подавляющее большинство — это формальная фиксация заходов с сопредельной стороны на те участки, которые и одни, и другие считали своими. Серьёзных же инцидентов было не так много.

Удивляет недоумение автора (ведь он не иностранец и не впервые в России) по поводу того, что пограничники игнорировали распоряжения начальства о запрете выхода на острова, что вооружение с бронетранспортёров должно быть снято и опечатано, что прежде, чем выйти к нарушителям, отряду следует дожидаться подкрепления с соседней заставы. В обстановке неопределённости (а в СССР/России она вообще очень велика) следование таким указаниям могло принести немало вреда, и пограничники это чувствовали. Если уступить и не выходить на

остров, принадлежность которого СССР не отменена, то потом, когда поступит команда вернуться к прежней схеме патрулирования, сделать это будет очень трудно, а скорее невозможно. Запрет же на доступ к оружию, как и выход навстречу китайцам большим числом, мог только увеличить наши потери.

Абсолютно нельзя согласиться с утверждениями А.П. Тарасова о «синофобской риторике КПСС» (с. 23), о том, что «советский режим в 1960—1970-е годы строил внутреннюю политику на антикитайской риторике и воспитании синофобии» (с. 114). Это Китай в годы «культурной революции» активно использовал антисоветскую риторику. У СССР не было необходимости прибегать к подобным приёмам. Также никакой синофобии в Советском Союзе не существовало и в помине, что подтвердит любой современник. Даже если посмотреть приведённые в книге обширные выдержки из газет того времени, а все они были печатными органами КПСС, то можно видеть, что за Даманский в них осуждаются китайские власти, а не страна и её народ.

На с. 108 содержится странный грубый выпад против «мракобесов», которые похоронили бойцов «прямо на границе». Раньше на границе были похоронены участники хасанских событий. На многих «именных» заставах естьobelisks в честь павших героев. Так что в этом нет ничего необычного или неправильного. Как и в более позднем решении о перезахоронении погибших в ближайшем городе — Дальнереченске.

Удивил автор и своими географическими познаниями, дважды заявляя о наличии в Приморье тундры (с. 48, 108). С таким же успехом можно говорить о пальмах в Забайкалье.

Это ещё ничего. Вот утверждение о том, что Хрущёв в своём стремлении «скинуть ненавистного Мао», воспользовавшись провалом «большого скачка» и массовым голодом в Китае, «настоял на погашении кредитов попавшей в беду КНР» (с. 42), скорее всего, позаимствованное из старой китайской пропаганды, никак нельзя оставить без внимания. Действительно, китайцы, чтобы представить себя невинной жертвой «советских ревизионистов» и поскорее с ними развязаться, взялись за досрочную выплату долгов. Но это была их инициатива. Нет никаких доказательств, что требование исходило от Москвы и она категорически на этом настаивала. Так одни приписывают нашей стране чудовищную низость, а другие, приняв пропаганду на веру, распространяют её дальше.

В истории советско/российско-китайских отношений вооружённые столкновения на Даманском, пожалуй, одна из самых драматических страниц. Нельзя не принять призыв автора книги оглянуться на те события без ненависти, чтобы в этом ключе продолжить исследование фактов и не до конца ясных обстоятельств прошлого.

Н.П. Рябченко,
кандидат исторических наук